

УДК 903.2
DOI: 10.17223/19988613/62/21

А.М. Кузнецов, Е.О. Роговской

ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАННЕГОЛОЦЕНОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ СТОЯНКИ ОСТРОВ ЛИСТВЕННИЧНЫЙ (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)

Исследование выполнено в рамках госзадания № 33.2057.2017/4.6 Минобрнауки РФ.

Приводятся результаты планиграфического анализа раннеголоценовых культурных слоев местонахождения Остров Лиственничный. Открытый и изученный авторами археологический объект можно причислить к опорным раннеголоценовым стоянкам Северного Приангарья и сопредельных территорий. Залегание культурных остатков *in situ* в условиях ненарушенной стратиграфии позволило выявить объекты и производственно-бытовые зоны в планиграфии стоянки, функциональную специализацию и структуру стояночного пространства в двух пунктах обитания, слагающих местонахождение Остров Лиственничный.

Ключевые слова: планиграфия; ранний голоцен; Северное Приангарье; охотники-собиратели; структура поселения.

Введение. Планиграфический анализ является одним из основных методов в археологических исследованиях. Активно используемый и разрабатываемый зарубежными и отечественными авторами, он дает возможность смоделировать хозяйственно-бытовую структуру жизнедеятельности древнего населения. Для раннеголоценовых памятников со «спокойной» стратиграфией и непереотложенным культурным слоем подобные исследования являются неотъемлемой частью полноценной комплексной работы.

Раннеголоценовые культурные слои стоянки Остров Лиственничный (Северное Приангарье) соответствуют условиям для проведения планиграфического исследования, так как вмещены в четко выделяемые литологические горизонты, имеют разноплановую пространственную структуру, не нарушены катастрофическими природными или неолитическими процессами. Под культурным слоем понимается целостное природно-историческое тело, имеющее свою пространственную организационную структуру, представленную вещественными остатками искусственного происхождения (культурные остатки) и органо-минеральным субстратом (вмещающая порода), имеющим природные и антропогенные составляющие [1].

Цель данной работы – провести планиграфический анализ раннеголоценовых культурных слоев стоянки Остров Лиственничный в рамках раскрытия и уточнения некоторых аспектов жизнедеятельности древнего населения Северного Приангарья.

Территория Северного Приангарья захватывает с запада на восток широтное, субширотное и субмеридиональное простираение долины р. Ангары до ее правого притока – р. Илима и самой этой реки в ее былом (до затопления Усть-Илимского водохранилища) нижнем и среднем субширотном течении. С севера на юг она составляет почти 500 км и с востока на запад более 900 км [2].

Одним из опорных объектов этого региона, открытых и обследованных в ходе Богучанской экспедиции ИАЭТ СО РАН (2007–2012 гг.), является многослойное

местонахождение Остров Лиственничный. Местонахождение Остров Лиственничный располагалось на одноименном острове, лежащем на половине расстояния от устьев рек Каты и Ёдармы (рис. 1). Долины этих рек, являющихся соответственно правым и левым притоками Ангары, находятся практически напротив друг друга, образуя Като-Ёдарминское расширение. Территория занимает поворотную-угловую северо-восточную географическую позицию между субмеридиональным течением р. Ангары в Иркутской области и субширотным ее течением в Красноярском крае. Като-Ёдарминский район вписан в Северное Приангарье и вместе с таковым отнесен к северной окраине Байкальской Сибири [3].

Остров Лиственничный по ангарским меркам небольшой – 1 200 тыс. м². Растительность на острове была представлена отдельными участками леса лиственных пород и широкими полями со средним и высоким травостоем. На острове длительное время размещались пахотные и пастбищные угодья ближайших деревень. Поверхность пологая, со слабо заметными в микрорельефе возвышенностями. В структурно-геоморфологическом отношении остров тяготеет к Ёдарминской площади опускания. Абсолютные высотные отметки поверхности острова 188–191 м. Относительные отметки – 4–5 м от уреза воды, в нижней части острова – 2–3 м. Местонахождение дислоцировалось в верхней части острова в двух пунктах: на приверхе и в полукилометре ниже по течению, по правому берегу, обращенному к Катской протоке. На настоящий момент о. Лиственничный полностью затоплен водами Богучанского водохранилища.

В результате раскопочных работ выявлено 7 уровней залегания археологического материала, вмещенного в четко стратифицируемые литологические слои. Третий и пятый уровни залегания являются основными, характеризующими местонахождение Остров Лиственничный. Третий уровень залегает в низах почвенных образований атлантического оптимума (АТ-1). По нему получены даты ≈7,0–7,2 тыс. л. н. Пятый уровень залегает в слабогумусированных подстилающих

отложениях. По материалам этого горизонта основной массив датировок лежит $\approx 8,5$ тыс. л. н. На основании стратиграфической позиции и радиоуглеродного дати-

рования он отнесен к среднему бореалу (ВО-2) или к среднему этапу раннеголоценового периода по региональной климатостратиграфической шкале [4].

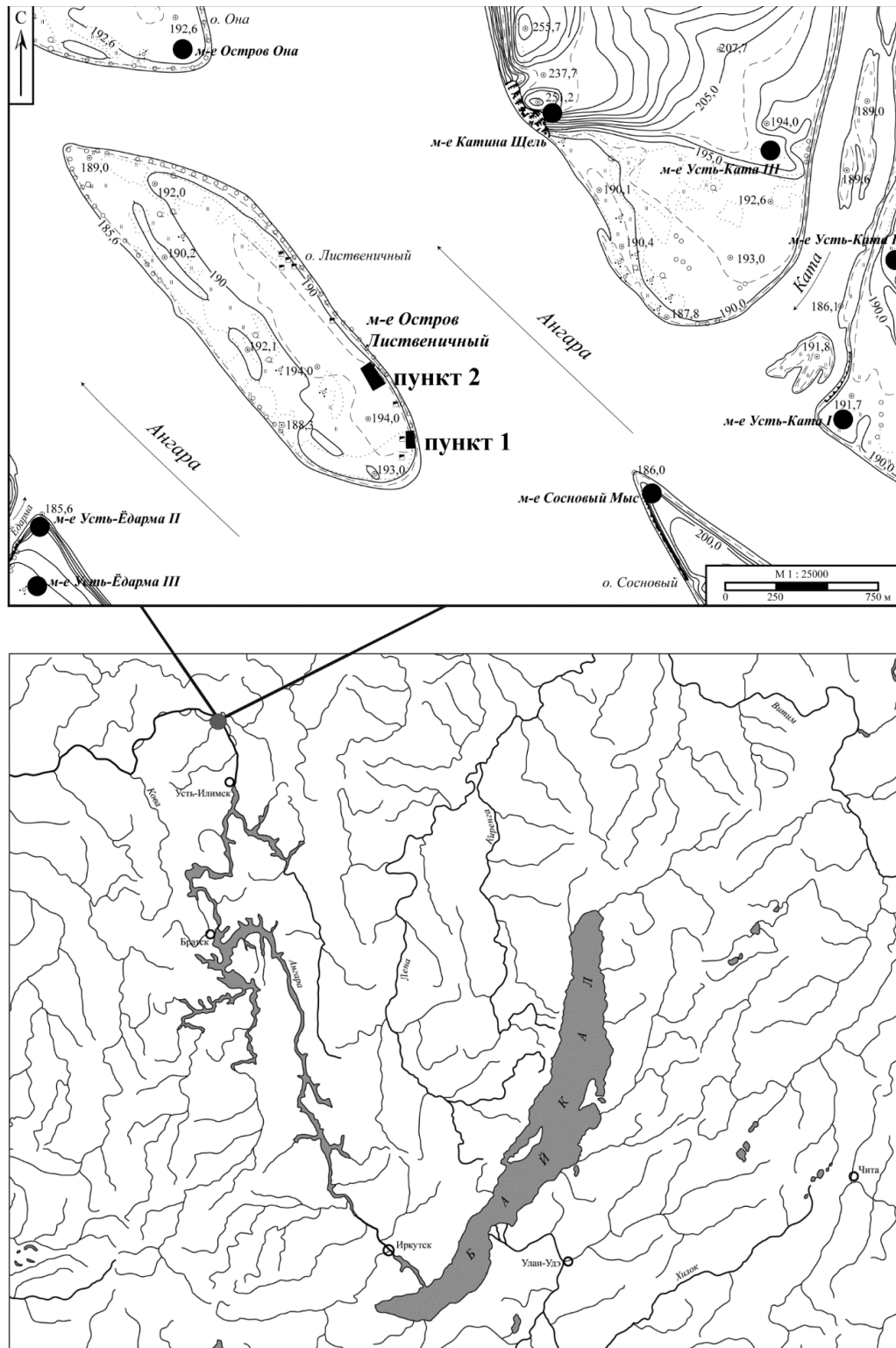

Рис. 1

Согласно стратиграфическим наблюдениям по серии из 21 археологической выработки, сделанной вдоль всего северо-западного борта острова, накопление рыхлых отложений в голоцене шло в основном в результате флювиальных процессов, т.е. водной эрозии и

аккумуляции реки. Это подтверждается следующими фактами: заиленностью голоценовых образований; наличием прослоек мелкозернистых стерильных песков и мелких галек; низкими отметками острова относительно уровня Ангары. Также в стратиграфии не чи-

таются какие-либо экстремальные стоки воды в виде канавок, рытвин, ложков. Можно сделать вывод, что культурные слои имеют смешанный субаквально-субаэрально-антропогенный генезис: во время обычного уровня реки действовали эолово-антропогенные факторы, в моменты поднятия уровня воды – аллювиальные, после них – делювиальные, по-видимому, представленные относительно слабым плоскостным смывом. Разная степень окрашенности гумусированных голоценовых пачек предположительно документирует интенсивность субаквальных процессов.

Для выяснения вопросов реконструкции древнего ландшафта стоянки и ее хронологической однородности авторами был проведен микростратиграфический анализ раннеголоценового культурного слоя на обоих пунктах местонахождения. Он предполагал построение системы микростратиграфических профилей. Профили строились по продольному и поперечному сечению раскопанных площадей в соответствии с пикетной сеткой через каждые метр. Подобный интервал был выбран согласно общей стратиграфической ситуации залегания литологических горизонтов, имеющих незначительный наклон в сторону береговой линии. Для проведения этой работы привлекались данные о позиции всех находок раннеголоценового культурного слоя.

На первом пункте стоянки Остров Лиственничный с раскопанной площадью около 250 м² на основании микростратиграфического анализа и радиоуглеродной датировки было выявлено два культурных слоя. Сложность их дифференциации и соотнесения с хроностратиграфическими периодами состояла в том, что подошва почвенных образований голоценового оптимума была нарушена ходами землероев и имела нечеткую по цвету и гранулометрическому составу границу с нижележащим литологическим горизонтом. В результате первый культурный слой (1 кс), представленный небольшим пятном находок, был отнесен к атлантику (АТ). Радиоуглеродное датирование подтвердило результаты микростратиграфического анализа: по фрагменту зуба (*Homo sapiens*) была получена дата $6\,880 \pm 20$ АМС ¹⁴С л. н. (UCIAMS-183023).

Второй культурный слой (2 кс) был зафиксирован в подстилающих голоценовый оптимум отложениях, представленных серовато-бурым легким заиленным суглинком с включениями мелких галек. По данным микростратиграфии, в нем были зафиксированы два микрогоризонта залегания археологических остатков, разделенных стерильной прослойкой (рис. 2). В результате радиоуглеродного датирования фрагмента диафиза хищного млекопитающего (*Canis familiaris*) из микрогоризонта 2Б была получена дата $9\,375 \pm 35$ ¹⁴С л. н. (UCIAMS-185870), также подтверждающая раннеголоценовый возраст культурного слоя. Следует отметить высокое содержание азота в представленных образцах, что дало эффект некоторого удревнения возраста костных остатков.

Выделенные микрогоризонты прослеживаются не по всей раскопанной территории первого пункта, на

некоторых участках сливаясь в однородный комплекс. В таких случаях они соотносились с планиграфическим рисунком, то есть шлейфами распространения археологического материала и формами скоплений, и дифференцировались не эмпирически, а аналитически, на уровне логических построений.

На втором пункте стоянки с раскопанной площадью около 1,2 тыс. м² было зафиксировано шесть культурных слоев, вмещенных в четко выделяемые литологические горизонты. Пятый, самый нижний от дневной поверхности раннеголоценовый слой (5 кс) был зафиксирован в подстилающих голоценовый оптимум отложениях. Археологический материал распределялся в микростратиграфических профилях в виде пунктирной линии, в местах скоплений камня и кости прослеживались линзовидные формы. Дополнительных микроуровней залегания, выраженных в наличии стерильной прослойки в стратиграфии культурного слоя, выявлено не было.

По костным остаткам культурного слоя была получена серия дат по кости копытных: $8\,575 \pm 120$ ¹⁴С л. н. (СОАН-8646), $8\,480 \pm 135$ ¹⁴С л. н. (СОАН-8647), $8\,510 \pm 135$ ¹⁴С л. н. (СОАН-8911), также подтверждающая его раннеголоценовый возраст.

Древняя поверхность обитания стоянки на первом и втором пунктах, исходя из отсутствия видимых перепадов литологического слоя и микростратиграфии, представляла собой довольно равномерную плоскую поверхность островной террасы с резким обрывом в сторону реки, т.е. повторяла современный островной микрорельеф.

Таким образом, удалось установить объект исследования, который представляет собой три стратиграфически дифференцированных планиграфических комплекса. Выделение комплексов не подразумевает одномоментности их образования, однако позволяет по крайней мере исключить их смешивание при анализе пространственного распределения археологического материала.

Исходя из характера седиментации рыхлых отложений и микростратиграфии, можно сделать вывод, что раннеголоценовый культурный слой является слоем первичной концентрации археологического материала и имеет высокий показатель «закрытости» в силу высокой скорости депозиции культурного слоя аллювиальными (во время паводковых ситуаций) и делювиальными (после паводков) процессами. Это позволяет провести пространственный анализ элементов культурного слоя, учитывая главным образом антропогенный фактор при его формировании, т.е. рассматривать связи между ними как результат поведенческой активности древнего населения стоянки.

Методика и материалы исследования. Планиграфическая составляющая культурного слоя сформирована следующими условными категориями структурных элементов: артефактами (изделия и отходы производства), «кухонными» остатками (кости животных, не

подвергавшиеся другой обработке, кроме дробления и разлома), манупортами и угольно-зольным наполнением кострищ. Под элементом здесь принимается самая дробная часть этой структуры – отдельный предмет [5].

По типу организации в структуре культурных отложенных элементы могут быть единичны, рассеяны, либо формировать фиксируемые концентрации на площади стоянки – скопления (рис. 3). Рассеянный археологический материал, кроме случаев его хаотичного распределения по площади стоянки, нередко формирует направления выброса, т.е. шлейфы. В свою очередь, скопления можно подразделять на стихийно и преднамеренно организованные. Стихийно организованные скопления формируются концентрациями отходов производства или «кухонными» отбросами. В формировании преднамеренно организованных скоплений фиксируется человеческая деятельность, направленная конкретно на создание определенных объектов – кострищ, депозитов и др.

Подобная классификация типов организации отдельных категорий элементов культурного слоя и рассмотрение их расположения относительно друг друга является отправной точкой при рассмотрении планиграфии стоянки и позволяет перейти от первоначальной констатации факта пространственного распределения находок к выявлению эпизодов и характера человеческой деятельности на разных участках площади. Здесь, однако, возможна ситуация палимпсеста культурных остатков, накопления следов разных по характеру деятельности эпизодов на одном участке территории стоянки. В последнем случае, кроме применения крайне трудоемкого и не всегда результативного метода ремонта, необходимо, по мнению авторов, учитывать статистические характеристики элементов культурного слоя на определенных участках.

Еще одной проблемой построения планиграфической картины является выделение стихийно организованных скоплений. Вариант палимпсеста и уникальных особенностей тафономизации культурных остатков при разных эпизодах хозяйственной деятельности приводит к тому, что применение статистических методов, основанных на значимом отклонении количества находок от среднего значения на площади каждого квадратного метра [6, 7], не всегда отражает неслучайность их концентрации. В таких случаях, по мнению авторов, на основе индивидуальной оценки соотношения находок необходимо выделять зоны повышенной концентрации, представляющие собой усредненный между хаотично рассеянным и стихийно организованным тип организации элементов культурного слоя. Введение этой описательной категории позволяет сохранить структуру классификации при статистических отклонениях неслучайных концентраций археологического материала.

При анализе планиграфии также употребляется термин «депозит». Он трактуется как компактное структурированное скопление артефактов разной степени обработки, располагающееся в границах культуросодержащего горизонта на памятниках каменного века.

Границы скоплений и зон повышенной концентрации отдельных категорий элементов культурного слоя определялись визуально по планам раскопок с нанесенными на них условными обозначениями. Стихийно организованные скопления формализованно распределялись по размерности на большие (больше 10 м²), средние (2–10 м²) и локальные (менее 1 м²). Кострищам и скоплениям в ходе описания присваивались порядковые номера.

Культурный слой 2А. Пункт 1. Площадь распространения находок около 70 м². Общее количество археологического материала равно 879 ед.

Коллекция каменных артефактов составляет 573 ед., из них сколов – 138 ед. (24,1%), микросколов – 327 ед. (57,1%), целых и фрагментированных пластин – 89 ед. (15,5%), нуклеусов – 1 ед. (0,2%), технических сколов – 1 ед. (0,2%), орудий – 17 ед. (3%). Набор каменных орудий включает в себя один фрагмент тесла, 8 сколов и пластин со следами ретуши и утилизации, 7 целых и фрагментированных абразивов и отбойник, причем часть абразивов и отбойник представлены в виде закрытого комплекса – депозита.

Коллекция костяных артефактов состоит из трех фрагментов кости со следами обработки и четырех орудий: стерженька составного рыболовного крючка, двух изделий из рога с приостренной дистальной частью и костяной подвески.

К кухонным остаткам относятся 290 ед. находок, включающих в себя определимые остатки таких видов, как лось, лисица, заяц, соболь, собака. Также зафиксированы фрагменты костей мелких грызунов, птиц, большое количество ихтиофауны, причем последняя составляет 50,9% от общего числа костных остатков.

В слое зафиксированы следы двух кострищ без обкладки.

Археологический материал образует зону повышенной концентрации площадью около 28 м² в центре раскопанной части пункта. На западной границе зоны располагается кострище 1К, имеющее форму правильного круга с углистым заполнением по краю и пепельно-серой костровой массой в центре. Сколы распределены в этой зоне достаточно равномерно, с концентрацией около 5 ед. на 1 м². Микросколы повторяют зону концентрации дебритажа вокруг кострища, при этом к югу от него эти элементы образуют локальное скопление (рис. 4). Фрагменты пластин также фиксируются в этой зоне вокруг кострища 1К, не образуя устойчивых скоплений. В юго-восточной части зоны, к востоку от локального скопления микросколов, в планиграфии читается относительно пустое пространство, интерпретируемое автором как индивидуальное рабочее место.

Кострище 2К, размытое в контурах и гораздо меньшее по размеру, находится на восточной периферии раскопанной площади. В его заполнении, наряду с углисто-золистыми остатками, зафиксировано 30 сколов и микросколов.

К югу от кострища 1К располагается реберчатый скол; на расстоянии 2 м от него – нуклеус, также на этом

участке зафиксированы сколы с остатками галечной корки. Фрагменты абразивов вытянуты в цепочку к востоку от него. На юго-восточной периферии зоны повышенной концентрации материала фиксируются фраг-

мент тесла, вкладыш и депозит. Обработанная кость и костяные изделия также найдены в периферийной зоне, за исключением костяной подвески, зафиксированной в непосредственной близости от кострища 1К.

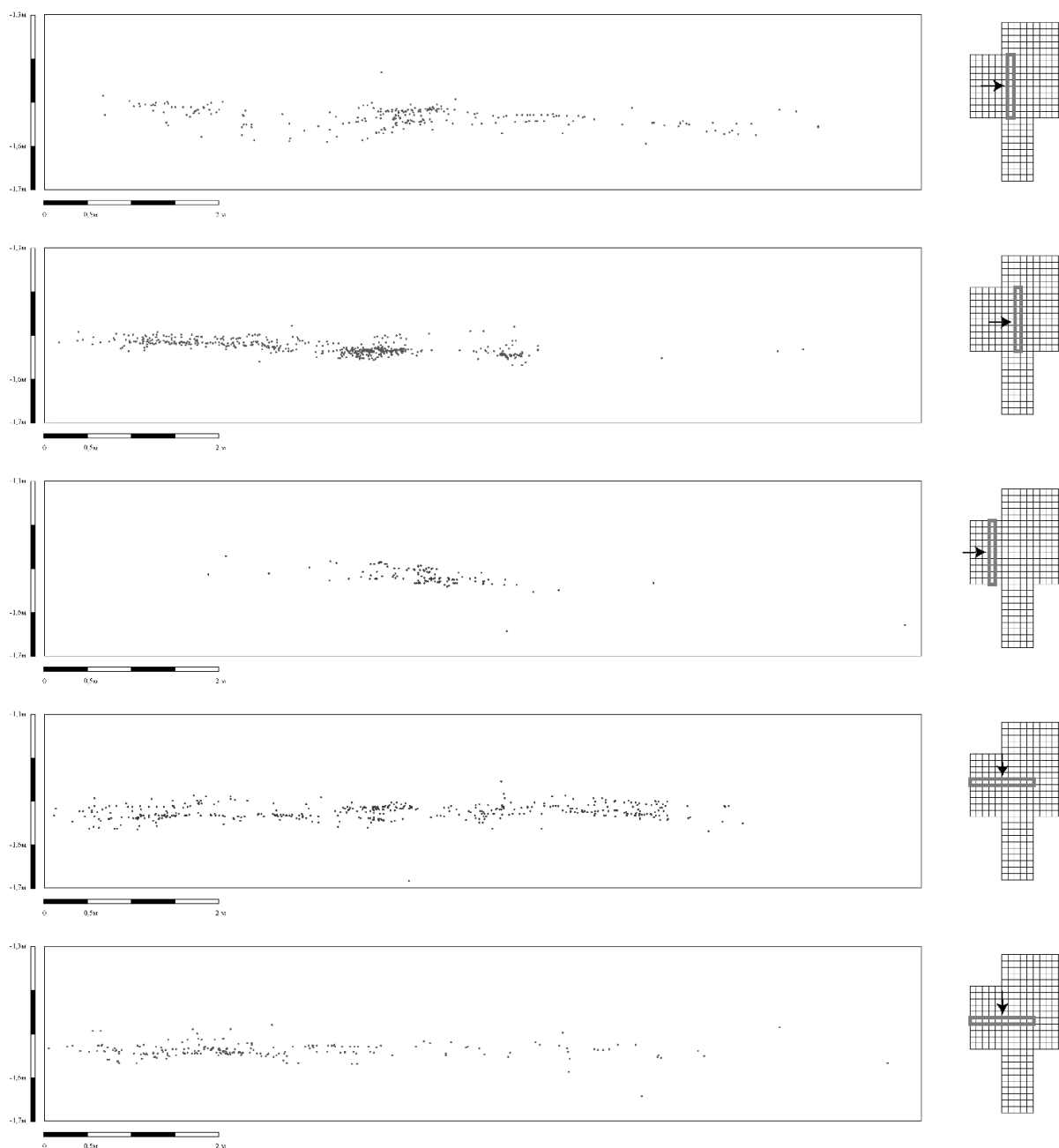

Рис. 2

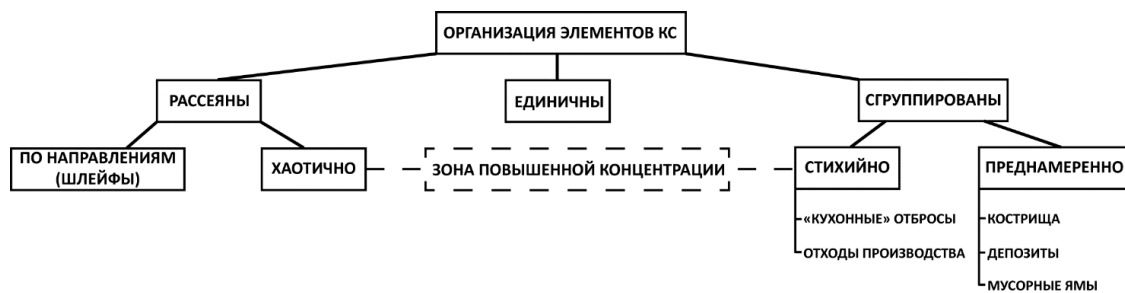

Рис. 3

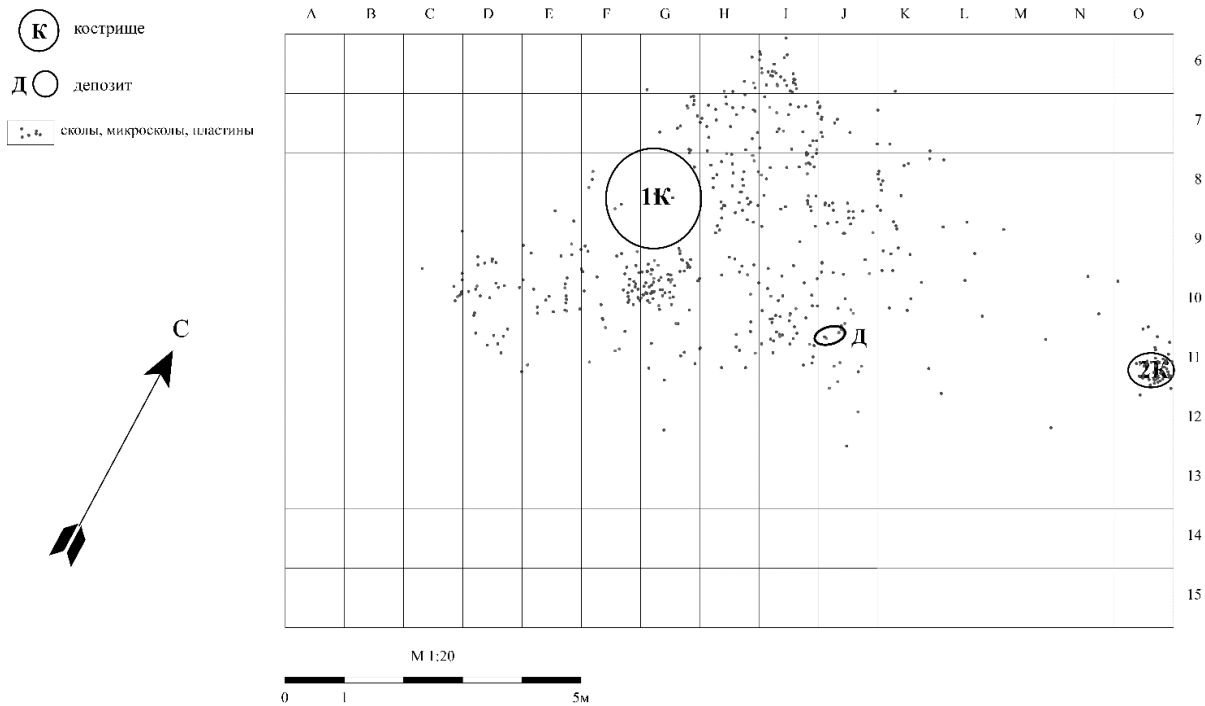

Рис. 4

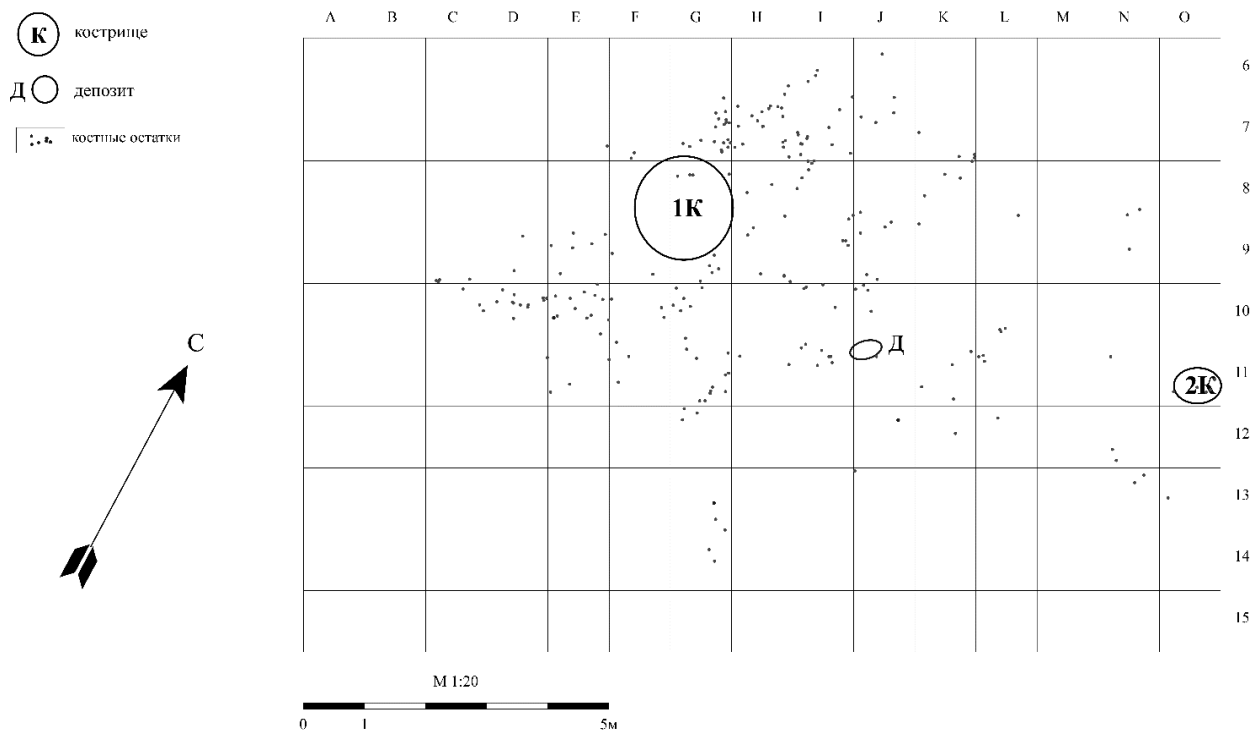

Рис. 5

Остатки определимых видов, за исключением ихтиофауны, единичны и бессистемно рассеяны вокруг кострища 1К; неопределимая кость и остатки рыбы в основном также сосредоточены вокруг него, образуя зону повышенной концентрации находок (рис. 5).

Таким образом, на основе рассмотрения рисунка планиграфии микрогоризонта можно предположить существование здесь полифункциональной хозяйственной площадки, центром которой является кострище 1К. На этой территории фиксируется палимп-

сест различных эпизодов и видов хозяйственной деятельности. Основная активность была связана с рыбными ресурсами, на что указывают высокие показатели количества остатков ихтиофауны. Остальные виды добычи, исходя из малого количества определимых костей, добывались эпизодически. Сопутствующая деятельность по раскрою каменного сырья осуществлялась тут же и предположительно была направлена на производство режущего инвентаря (пластин) для разделки рыбы. Производство базировалось на приносном пер-

вично обработанном сырье, на что указывает малое количество сколов с остатками галечной корки (8 ед.). Расположение депозита с абразивами и отбойниками маркирует примерную границу этой производственной площадки. Кострище 2К может фиксировать хронологический отдельный эпизод деятельности на стоянке, на что указывают его планиграфическая обособленность и отличающаяся от кострища 1К структура.

Открытым остается вопрос об визуальном ровной западной границе распространения материала. Подобная ситуация может быть связана как с антропогенными факторами, например существование археологически не фиксируемой жилой конструкции, так и природными, например буреломом.

Культурный слой 2Б. Пункт 1

Площадь распространения находок около 150 м². Общее количество археологического материала насчитывает 1 739 ед.

Коллекция каменных артефактов составляет 977 ед., из них сколов – 216 ед. (22,1%), микросколов – 588 ед. (60,2%), целых и фрагментированных пластин – 146 ед. (14,9%), нуклеидных изделий – 3 ед. (0,3%), технических сколов – 4 ед. (0,4%), орудий – 20 ед. (2,0%). Набор каменных орудий включает в себя один фрагмент острия, 3 целых и фрагментированных абразива и 16 сколов и пластин со следами ретуши и утилизации.

Коллекция костяных артефактов состоит из 4 фрагментов кости со следами обработки и 11 орудий (4 вкладышевых стреловидных обоймы, 4 острия, фрагмент костяной иглы и 1 труднодиагностируемое орудие).

Кухонные остатки представлены 733 ед. и включают в себя такие определимые виды, как лось, заяц, ко-

лонок, собака. Зафиксированы фрагменты костей мелких грызунов, птиц, большое количество ихтиофауны. Рыба в количественном отношении составляет 50,8% от общего количества костных остатков.

Также в слое зафиксировано одно кострище.

Главной структурной единицей планиграфии культурного слоя, к которой тяготеет археологический материал, является кострище 1. Сколы образуют локальное скопление в пределах кострища, а также вытянутое по линии север – юг среднее скопление к востоку от него. К западу от кострища они формируют зону повышенной концентрации материала. Микросколы усиливают концентрацию в выделенных скоплениях сколов и немного расширяют их границы, кроме того, образуя еще одно локальное скопление к востоку от кострища. Пластины и сколы с галечной коркой формируют место повышенной концентрации согласно выделенным скоплениям сколов. Орудия, как формальные, так и неформальные, также сосредоточены в этом районе (рис. 6).

Если нуклеусы хаотично расположены к югу от кострища, то технические сколы – вокруг него.

Костяные изделия также тяготеют к кострищу, за исключением стреловидных костяных обойм, сконцентрированных в локальное скопление к северо-западу от него.

Кухонные отбросы образуют среднее скопление к северу от кострища и локальное – в его пределах; зону повышенной концентрации – к востоку и югу от кострища. Если остатки ихтиофауны в основном приурочены к этим скоплениям, то остальные виды бессистемно рассеяны по площади (рис. 7).

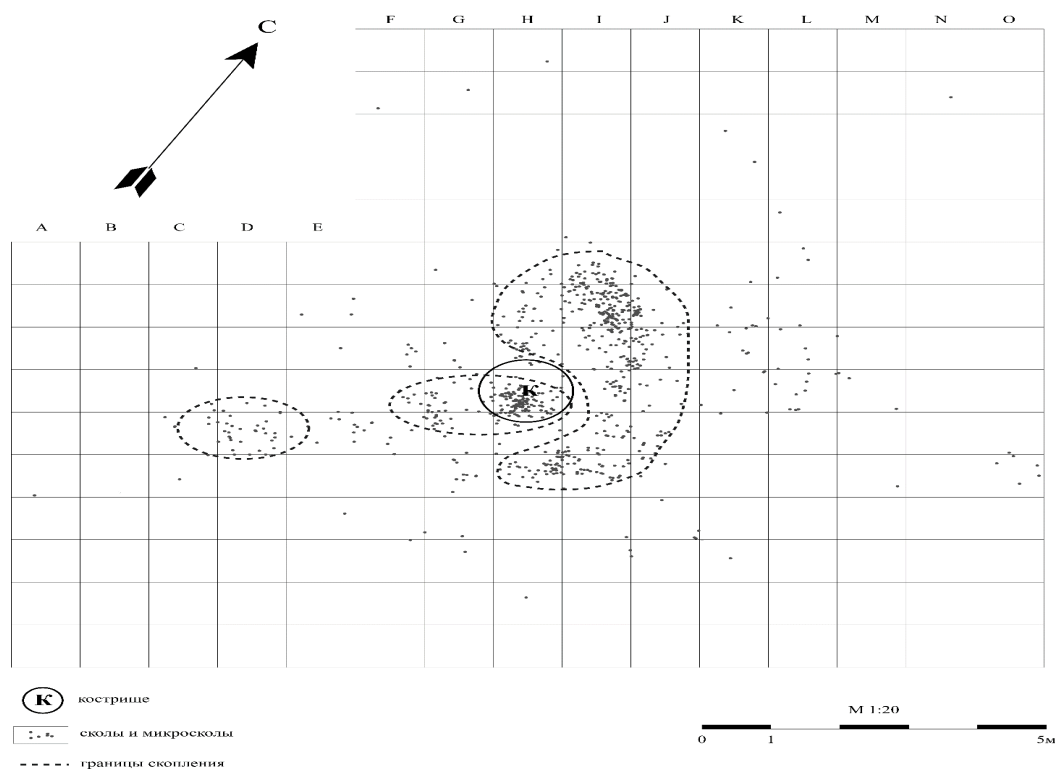

Рис. 6

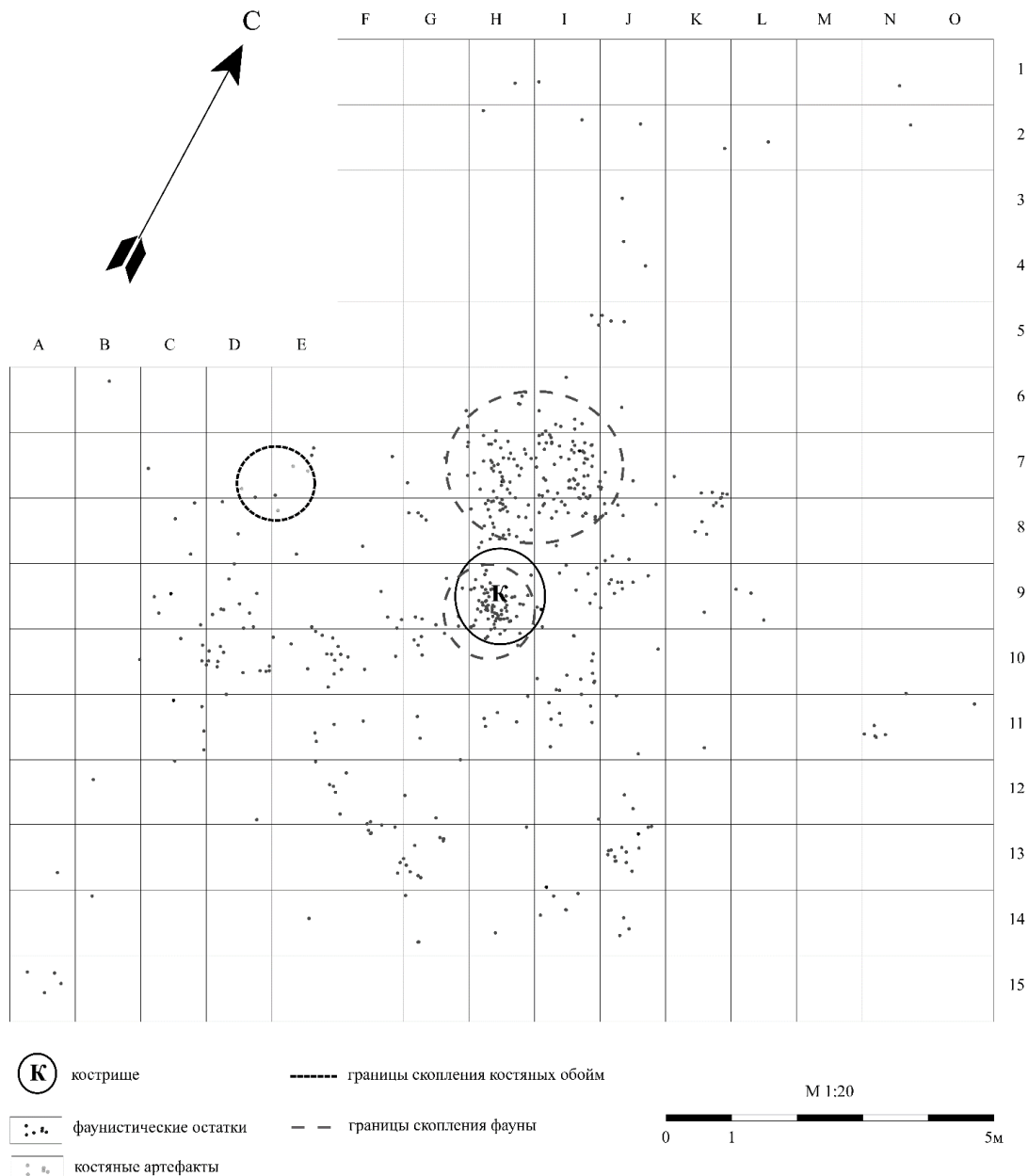

Рис. 7

Таким образом, ситуация залегания материала в микрогоризонте 2Б в целом повторяет планиграфическую картину вышележащего микрогоризонта. Организующим элементом территории также является кострище, вокруг которого велась систематическая разнонаправленная хозяйственная деятельность. Однако если размеры производственных площадок по расщеплению литосырья в целом сопоставимы, то разброс костных остатков значительно возрастает. Предположительно данное обстоятельство связано с более продуктивным в плане рыбозаготовки эпизодом хозяйственной деятельности древнего населения.

Культурный слой 5. Пункт 2

Вскрытая раскопами площадь пункта составляет 1 тыс. м². Общее количество археологического материала – 7 631 ед.

Коллекция каменных артефактов составляет 4 309 ед., из них сколов – 1 887 ед. (43,8%), микросколов – 1 802 ед. (41,8%), целых и фрагментированных пластин – 389 ед. (9 %), нуклеусов – 42 ед. (1%), технических сколов – 37 ед. (0,9%), орудий – 152 ед. (3,5%). Часть артефактов представлена в двух орудийно-сырьевых и одном сырьевом депозите.

Коллекция костяных артефактов состоит из 70 костяных орудий и 24 фрагментов кости со следами обработки.

Кухонные остатки представлены 3 240 находками. Определимые фрагменты принадлежат таким видам, как лось, косуля, благородный олень, заяц, медведь, мелкие грызуны, птицы, рыбы и мамонт. Ихтиофауна составляет 4,5% от общего количества остатков.

Последний вид, относящийся к плейстоценовой фауне, представлен в фаунистических остатках двумя

экземплярами фрагментов бивня: изделием и небольшой щепкой. По сообщениям жителей ближайшего населенного пункта Като-Ёдарминского расширения дер. Ёдармы и результатами разведочных маршрутов авторов по долине р. Ката и ее притока р. Юктала плейстоценовая фауна достаточно часто фиксируется в береговых обнажениях этих водотоков.

Также зафиксировано 9 раковин моллюсков.

В культурном слое отмечены следы девяти кострищ.

В результате анализа пространственного распределения остатков млекопитающих выделены одно большое скопление и четыре средних. На остальной части стоянки костные останки бессистемно рассеяны и не образуют устойчивых групп, кроме случаев единичных апплицируемых костей.

Большое скопление занимает площадь около 100 м² и расположено в восточной прибрежной части стоянки. На его территории зафиксировано наибольшее количество остатков копытных: лося и косули. В центре скопления расположено кострище, вокруг которого наблюдается зона с относительно разреженным расположением находок.

Три средних скопления также расположены в восточной прибрежной части стоянки. Одно среднее скопление дислоцируется в западной части стоянки. В их составе также присутствуют определяемые остатки копытных. Ихтиофауна образует три локальных скопления в западной части стоянки; одно из них приурочено к кострищу. Определемые остатки остальных видов бессистемно рассеяны по площади. Каменные артефакты распределены по всей площади стоянки, однако по концентрации находок можно выделить одно большое, четыре средних и восемь локальных скоплений.

Большое скопление расположено в центральной части раскопанной площади. Оно занимает территорию около 90 м². В нем можно выделить три пятна наибольшей концентрации находок, приуроченных к двум небольшим кострищам. На его площади зафиксировано наибольшее количество сколов с галечной коркой, технических сколов, сколов со следами утилизации, большое количество нуклеусов и пластин, скребков. Также в центре этой площади располагался депозит, т.е. компактное структурированно-организованное скопление. Он состоит из 32 преимущественно крупных сколов (более 70 мм в линейном измерении). Это скопление можно интерпретировать как производственный центр по раскрою каменного сырья. К этому производственному центру с севера тяготеет одно среднее скопление.

Еще одно среднее скопление располагается в восточной прибрежной части стоянки, в границах крупнейшего скопления фауны. Оно достаточно размыто в контуре, с центром концентрации в южной части и растянутым к северу шлейфом сколов, большинство из

которых имеет линейные размеры менее 15 мм. Также здесь отмечена высокая концентрация пластин.

Локальные скопления каменных артефактов в основном приурочены к кострищам в западной части стоянки. Их объединяют небольшая площадь, около 1 м², высокая концентрация находок (от 30 до 370 ед.), высокое содержание однородного сырья, частичная аппликация артефактов. Эти скопления можно интерпретировать как индивидуальные рабочие площадки.

Орудийный набор стоянки распределен по площади достаточно равномерно. Самыми представительными типами орудий являются каменные скребки и костяные гарпуны. Основное количество скребков (8 из 17 ед.) располагается ближе к центральной зоне стоянки и тяготеет к производственному центру по раскрою камня. Гарпуны (9 из 15 ед.) концентрируются в юго-западной части стоянки, в зоне равномерного распределения каменных и костяных артефактов. Нуклеусы зафиксированы по всей площади стоянки. В пяти случаях они располагаются группами по 3–4 ед., причем эти группы отчетливо не приурочены к другим объектам культурного слоя.

Также на территории стоянки зафиксированы три депозита, т.е. компактных структурированно-организованных скопления артефактов. Один из них, сырьевой, состоящий из крупных сколов, располагался на площади производственного центра по раскрою камня; два других – орудийно-сырьевые – по перифериям зон концентрации материала и также не приурочены к другим объектам культурного слоя. В составе орудийно-сырьевых депозитов – абразивы, наконечники, тесла, скребки, резцы, долотовидные и ножевидные изделия, зубчатые наконечники, отжимники, втульчатые и вкладышевые орудия, костяные и роговые заготовки.

Отдельное рассмотрение пространственного распределения кострищ показывает группировку большей части из них (6 из 9) в западной части объекта, в глубине от прибрежной линии. Они вытянуты по линии север–юг, практически параллельно прибрежной линии. Кострища имеют прокалы глубиной порядка 5–15 см. На южной периферии этого участка зафиксировано наибольшее количество предметов из кости. Исходя из того, что скопления археологического материала являются отражением деятельности активности древнего населения, на территории стоянки можно предположить существование трех основных зон: хозяйственно-бытовой, производственной и рекреационной (рис. 8).

Хозяйственно-бытовая зона располагается в прибрежной части стоянки. В ее пределах – четыре скопления фауны, содержащие большую часть от общего количества зафиксированных костных остатков. Можно предположить, что в этой зоне происходили разделка и сортировка добычи. Здесь интересен анализ состава скелетов копытных. У косули на черепные составляющие скелета приходится 55% от всех определяемых костей, на дистальные немясные отделы конечностей –

29%. У лося эти данные соответственно: 46,5% для черепного отдела и 38,5% – для ножного. К мясным отделам туши – туловище, передние и задние мясные отделы у обоих видов – относится 1–9% от всех определимых костей. Соответственно, в этой зоне происходила разделка туш целиком, причем мясные части скелета утилизировались полностью, вплоть до раздроб-

ления костей в целях добычи костного мозга. Костер, расположенный в центре крупнейшего скопления, предположительно служил для обогрева; это подтверждается и относительно пустым пространством вокруг него. Большое количество раздробленной неопределимой кости, по-видимому, связано с операциями по извлечению костного мозга.

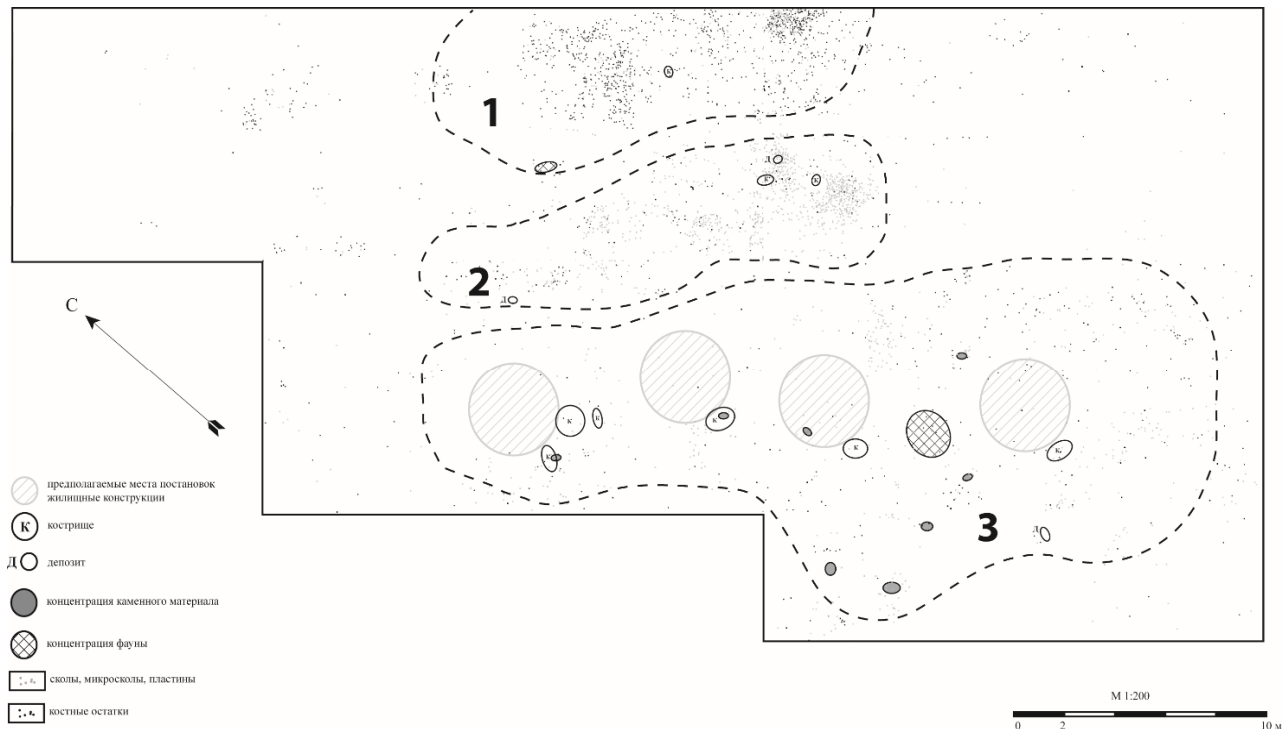

Рис. 8

Также в пределах этой зоны расположено среднее скопление каменных артефактов. Большую долю микросколов в нем можно интерпретировать как результат подправки режущего и скребкового инвентаря. Эту же функциональную наполненность, т.е. деятельность по резке и скоблению, можно отнести к большому количеству пластин, зафиксированных в его пределах.

Производственная зона расположена к западу от хозяйственно-бытовой. В нее включен производственный центр, состоящий из большого и среднего скопления каменных артефактов. Наибольшее количество сколов с галечной коркой и технических сколов, большое количество пластин и нуклеусов, микросколов и готовых орудий позволяет говорить о полном цикле расщепления, происходившем на этой территории. Сырьевой депозит подтверждает и дополняет это предположение: в рамках этого цикла здесь же происходили отсортировка и складирование подходящего сырья. Два костра также, вероятно, выполняли функцию обогрева. Возле них с разных сторон читается пустое пространство, в одном случае с севера, в другом – запада. Можно предположить, что древний мастер сидел лицом или боком к огню, и в ту же сторону был направлен шлейф дебитаж.

В ходе раскопок на стоянке не было обнаружено никаких явных следов жилищных конструкций, таких как жилищные ямы или обкладки очагов. Однако, учитывая разнообразный характер производственной деятельности на стоянке, территорию с относительно слабой концентрацией находок и следами кострищ можно интерпретировать как рекреационную зону. В нее входят два нечетких по контуру скопления сколов, восемь индивидуальных рабочих площадок и небольшое по площади скопление кости.

Учитывая характер и типологию каменного материала, высокую концентрацию и небольшую площадь его распространения в составе индивидуальных рабочих площадок, можно предположить неслучайный характер образования этих скоплений. То есть, в отличие от производственной зоны с большими шлейфами и веерами дебитаж, здесь происходила его целенаправленная концентрация, т.е. «уборка» территории.

В ходе планиграфического анализа были выявлены три практически пустые округлые по форме площади диаметром около 3,5–4 м, приуроченные к кострищам, причем последние располагались на периферии этих пятен. Эти планиграфические «пустоты» можно интерпретировать как места постановки жилищных конструкций полузакрытого типа. В пользу данного пред-

положения говорит расположение кострищ, т.е. места входа относительно геометрического центра пустых пространств, – все они расположены к северу и северо-востоку от них, что, учитывая господствующую розу ветров, по современным наблюдениям авторов, направленную по долине р. Ангара, могло дать определенную ветрозащиту древнему населению этих предполагаемых конструкций. Одно из кострищ имеет форму, характерную для экранного костра, – четко выраженную прямую южную границу. Именно экранные костры, по результатам экспериментов, можно эффективно использовать для обогрева подобных жилищ [8].

Если придерживаться этой интерпретации, то расположение орудийно-сырьевых депозитов на периферии территории с кострищами можно считать своеобразными маркерами границы жилой зоны стоянки.

Заключение. По итогам планиграфического анализа материалов раннеголоценовых комплексов стоянки Остров Лиственничный авторы пришли к следующим выводам. В планиграфической структуре комплексов место системообразующей единицы занимают кострища без обкладки. К ним так или иначе приурочены все крупные скопления археологического материала в хозяйственно-бытовой и производственной зоне, как и планиграфические «пустоты» в рекреационной зоне. Можно предположить, что подобная закономерность связана с обитанием на стоянке в холодное время года. Это косвенно подтверждается остеологическим анализом зубной системы 4 особей копытных с пункта 2. Полученные результаты свидетельствуют о сезоне добычи с сентября по декабрь [9].

Другой отличительной особенностью планиграфии является наличие нескольких закрытых комплексов артефактов, депозитов. Их подробная терминологическая и типологическая характеристика дана авторами в одной из предыдущих статей, посвященных стоянке Остров Лиственничный [10]. Здесь же, кроме вышеописанного про-

странственного аспекта, стоит отметить значение этого явления для системы жизнеобеспечения древнего населения острова. Кроме того, что орудийно-сырьевые депозиты пункта 2 можно считать маркерами, ограничивающими рекреационную зону, они косвенно указывают на неоднократность посещения этой территории, выступая хранилищами орудий и ресурсов при сырьевом профиците.

Два пункта стоянки демонстрируют различную планиграфическую картину: если на первом пункте археологический материал залегает достаточно локально, образуя смешанные по составу скопления с подавляющим количеством кухонных остатков, то на втором пункте зафиксированы четко выделяемые зоны, материалы которых свидетельствуют о разнонаправленных производственно-хозяйственных операциях в пределах единого функционально связанного пространства. Эти операции включали в себя полный цикл расквара литосырья, разделку охотничьей добычи, а также, на основе косвенных свидетельств, оборудование жилой зоны. Таким образом, поселенческая специфика пунктов стоянки различалась. На первом осуществлялась деятельность по рыбозаготовке, о чем говорит высокий процент содержания рыбы в кухонных остатках (50,8–50,9 % против 4,5 % на втором пункте), режущий инвентарь (пластины) и ограниченная по площади полифункциональная площадка; на втором – производство орудий, разделка охотничьей добычи и рекреационная активность, в пользу чего свидетельствует, прежде всего, функциональное зонирование территории комплекса. Говорить об абсолютной синхронности функционирования этих комплексов затруднительно, однако сам факт дифференциации пунктов по спецификации добываемых ресурсов может свидетельствовать о существовании у древнего населения устойчивого годового хозяйственного цикла, где рыбной ловле был выделен отдельный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сычева С.А. и др. Естественные методы исследования культурных слоев древних поселений. М., 2004. 161 с.
2. Медведев Г.И., Роговской Е.О., Липнина Е.О., Лохов Д.Н., Таракановский С.П. Северное Приангарье. Введение в плейстоценовую археологию // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. : материалы Всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск, 2009. С. 298–309.
3. Роговской Е.О., Когай С.А., Новосельцева В.М., Ощепкова Е.Б., Попов А.А., Таракановский С.П. Геоархеологическое исследование на палеолитических объектах Северного Приангарья // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2012. № 1 (1). С. 203–219.
4. Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. Иркутск, 2010. 205 с.
5. Медведев Г.И., Несмеянов С.А. Типизация «культурных отложений» и местонахождений каменного века // Методические проблемы археологии. Новосибирск, 1988. С. 113–142.
6. Медведев С.П. Планиграфический анализ кремневого инвентаря верхнего культурного слоя стоянки Каменная Балка II // Российская археология. 2012. № 2. С. 60–66.
7. Леонова Н.Б. Современное палеолитоведение: методология, концепции, подходы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1994. 40 с.
8. Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. СПб., 2013. 416 с.
9. Клементьев А.М. Раннеголоценовая фауна северной Ангары (материалы археологических объектов) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. № 8. С. 31–44.
10. Роговской Е.О., Кузнецов А.М. Депозиты многослойного местонахождения Остров Лиственничный (Северное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. № 9. С. 77–102.

Aleksey M. Kuznetsov. Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). E-mail: golos_siberia@list.ru

Evgeniy O. Rogovskoy. Irkutsk State University (Irkutsk, Russia); Institute of Archaeology and Ethnography Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: eor127@yandex.ru

SPATIAL ANALYSIS OF EARLY HOLOCENE CULTURAL LAYERS OF OSTROV LISTVENICHNY SITE (NORTHERN ANGARA REGION)

Key words: planigraphy, early Holocene, Northern Angara region, hunter-gatherers, structure of settlement.

An integral part of a comprehensive study of the archaeological site is a study of its spatial organization. The definition of structural relationships between objects composing the surface of the habitation, allows to approach the understanding of the organization of the site space and adaptive strategies of ancient man. Purpose of the authors was to conduct spatial analysis of early Holocene cultural layers on the Ostrov Listvenichny site. The tasks of the analysis include the identification of zones of production and economic activity, the specifics of their location and specialization. Listvenichny Island was located (now flooded by the waters of the Boguchanskiy reservoir) in the middle reaches of the Angara River, in the Irkutsk Region, near the border with Krasnoyarsk Region. The site was discovered and explored by the authors as part of the rescue archaeological work of the Boguchanskaya expedition of the IAET SB RAS. There are seven levels of occurrence of cultural remains on the site. The second level of the first location and the third and fifth levels of the second location were defined as the most representative and characterizing the object. The source of this article is the materials of the second and fifth early Holocene levels of the first and second locations, respectively, obtained during excavations in 2011-12. The occurrence of cultural remains in conditions of undisturbed stratigraphy of flood-plain alluvial deposits makes it possible to consider a highly valid method for determining the structures of site complexes of the first and second locations.

On two locations, we observe a different spatial situation from each other. On the first location, archaeological material is distributed in a small area. Concentrations are characterized by a mixed composition. They are mainly represented by kitchen remnants. The second site location demonstrates pronounced zoning by specialization of activity. Identified objects form zones of different functional orientation. All together, they give a single, structurally interconnected picture of the surface of the habitation. With confidence were defined areas where the full cycle of stone knapping took place: from core flaking to the direct manufacture of tools; the zone for cutting hunting production; zone with signs of dwelling arrangement. As a result of the conducted spatial analysis, we see that at the first location, judging by the composition of the kitchen remnants and the tool kit, the ancient population of the site was engaged in fishing activities. The second location demonstrates a virtually complete subsistence system: litho-production, cutting of taking, dwelling area. Despite the fact that the time of existence of the first and second locations are generally comparable (9-8,5 thousand years ago), we do not assert absolute simultaneity of their existence and the fact that it was one group of the population. But, thanks to the spatial analysis, we are talking about the different structure and the functional orientation of the locations. And the revealed production differentiation is indicative of seasonal cycles of hunting-fishing activity.

REFERENCES

1. Sycheva, S.A. et al. (2004) *Estestvenno-nauchnye metody issledovaniya kul'turnykh sloev drevnikh poseleniy* [Scientific methods for studying the cultural layers of ancient settlements]. Moscow: NIA-Priroda-M.
2. Medvedev, G.I., Rogovskoy, E.O., Lipnina, E.O., Lokhov, D.N. & Tarakanovsky, S.P. (2009) [Northern Angara. An Introduction to Pleistocene Archeology]. *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoy Azii. Irkutskaya shkola 1918–1937 gg.* [University Archeology and Ethnology of North Asia. Irkutsk school 1918–1937]. Proc. of the All-Russian Seminar. Irkutsk, May 3–6, 2009. Irkutsk. pp. 298–309. (In Russian).
3. Rogovskoy, E.O., Kogay, S.A., Novosel'tseva, V.M., Oshchepkova, E.B., Popov, A.A. & Tarakanovsky, S.P. (2012) Geoarchaeological Research at Paleolithic Sites of the Northern Angara Region. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya"* – Bulletin of Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series. 1(1). pp. 203–219. (In Russian).
4. Vorobieva, G.A. (2010) *Pochva kak letopis' prirodnikh sobyitij Pribaykal'ya: problemy evolyutsii i klassifikatsii pochv* [Soil as a chronicle of natural events in the Baikal region: problems of soil evolution and classification]. Irkutsk: Irkutsk State University.
5. Medvedev, G.I. & Nesmeyanov, S.A. (1988) Tipizatsiya "kul'turnykh otlozheniy" i mestonakhozhdeniy kamennogo veka [Typification of "cultural deposits" and the locations of the Stone Age]. In: Medvedev, G.I. et al. *Metodicheskie problemy arkheologii* [Methodological problems of Siberian archeology]. Novosibirsk: Nauka. pp. 113–142.
6. Medvedev, S.P. (2012) A planigraphic study of the flint inventory from the upper occupation layer at Kamennaya Balka II. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 2. pp. 60–66. (In Russian).
7. Leonova, N.B. (1994) *Sovremennoe paleolitovedenie: metodologiya, kontseptsii, podkhody* [Modern paleolithology: methodology, concepts, approaches]. History Dr. Diss. Moscow.
8. Volkov, P.V. (2013) *Opyt eksperimenta v arkheologii* [Experiment in Archeology]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
9. Klementiev, A.M. (2014) Early Holocene Fauna of Northern Angara (Materials of Archaeological Sites). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya"* – Bulletin of Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series. 8. pp. 31–44. (In Russian).
10. Rogovskoy, E.O. & Kuznetsov, A.M. (2014) Deposits of the Multilayer Site Ostrov Listvenichny (Northern Angara Region). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya"* – Bulletin of Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series. 9. pp. 77–102. (In Russian).